

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ / HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

УДК 94(47).084.6

Дата поступления (Submitted) 06.08.2018

Дата принятия к печати (Accepted) 10.09.2018

ANDREY VLADIMIROVICH FILINOV

*Applicant of the Department of history of Russia of the 20th–21st cent.,
Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
119192, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27–4.
E-mail: fiann@inbox.ru*

Social and economic policy of the Soviet leadership in the Far East in the Manchurian Crisis (September 1931 – March 1935)

On the basis of an integrated approach to the consideration of the internal political situation against the background of the difficult foreign policy situation (the Manchurian crisis of 1931–1935), and based on unpublished archival materials, the author analyzes the main aspects of the socio-economic activity of the Soviet leadership in the Far East at the specified time. Among the scientific methods used in the work, the fundamental importance of the principle of historicism, involving consideration of all known facts in the form of a complex process of their appearance and development, in direct connection with certain characteristics inherent in this case, the USSR of the first half of the 1930s. In the course of the study, the author comes to the conclusion that such areas as agriculture, migration and resettlement, supply policy had a pronounced military mobilization orientation, which largely explains the problems in these areas, which were reflected in the various conflicting social sentiments of the population of the Far East.

Keywords: *agriculture, collectivization, Special Collective Farm Corps, repressions, resettlement, migration, prisoners, special settlers, supplies, public mood.*

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ФИЛИНОВ

*соискатель кафедры истории России XX–XXI вв.
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
Тел.: +7 (919) 967-18-65
E-mail: fiann@inbox.ru*

На основе комплексного подхода к рассмотрению внутривнутриполитической обстановки на фоне сложной внешнеполитической ситуации (маньчжурского кризиса 1931–1935 гг.), и опираясь на неопубликованные архивные материалы автор анализирует основные аспекты социально-экономической деятельности советского руководства в Дальневосточном регионе в указанное время. Среди научных методов, применяемых в работе, основополагающее значение имеет принцип историзма, предполагающий рассмотрение всех известных фактов в виде сложного процесса их появления и развития, в непосредственной связи с определёнными характеристиками, присущими в данном случае СССР первой половины 1930-х гг. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что такие направления как сельское хозяйство, миграции и переселения, политика снабжения имели ярко выраженную военно-мобилизационную направленность, чем во многом и объясняются проблемы в этих сферах, находившие своё разнообразное отражение в противоречивых общественных настроениях населения Дальнего Востока.

Ключевые слова: *сельское хозяйство, коллективизация, Особый колхозный корпус, репрессии, переселение, миграция, заключённые, спецпереселенцы, снабжение, общественные настроения.*

Социально-экономическая политика советского руководства на Дальнем Востоке в условиях маньчжурского кризиса (сентябрь 1931 – март 1935 гг.)

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. международное положение СССР на Дальнем Востоке начинает изменяться. Сначала в течение 1927 и 1928 гг. появились факты, свидетельствовавшие

об ухудшении отношений между Советским Союзом и Китаем. В июле 1929 г. была захвачена Китайская Восточная железная дорога. В ответ на это 6 августа 1929 г. приказом Реввоенсовета республики была

создана Особая Дальневосточная армия – ОДВА (затем ОКДВА), которая в конце сентября – начале ноября совместно с Амурской военной флотилией нанесла поражение китайским частям.

Затем обстановка еще более накалилась, когда в сентябре 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию. Это, с одной стороны, повлияло на последующее решение советского руководства начать переговоры о продаже КВЖД с марионеточным государством Маньчжоу-Го (фактически же Японской империей), а с другой вынуждало предпринять ещё более серьёзные меры к укреплению безопасности дальневосточных границ. В марте 1935 г. было подписано соглашение о продаже КВЖД, что позволило в значительной степени уменьшить политическую напряжённость вокруг Маньчжурии и снизить военную угрозу для советского Дальнего Востока.

Таким образом, в 1930-х гг. Дальний Восток занимал особое место в оборонительной политике СССР. Геополитическое и экономическое положение региона предопределяло расширение здесь военного строительства, происходящего на фоне перехода к массовой регулярной армии [1, с. 109]. Однако, стратегические интересы СССР на Дальнем Востоке не могли быть реализованы без развития экономики, промышленности, транспортной инфраструктуры, а также социальной сферы региона [2, с. 61]. Изучением различных аспектов социально-экономической политики занимались исследователи ещё в советский период [3, 4, 5, 6, 7], вынужденные во многом опираться лишь на опубликованные источники [8, 9]. Однако после «архивной революции» работа по многим направлениям была продолжена специалистами [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17], широко применяющими рассекреченные документы из архивов различных ведомств [18, 19].

Опираясь имеющуюся историографию, цели данной статьи можно сформулировать следующим образом:

1) рассмотреть процессы социально-экономического развития Дальневосточного региона с учётом таких его важных составляющих, как:

- положение в сельском хозяйстве и характерные черты коллективизации;
- особенности миграций и проведение переселенческой политики;
- направления и методы социального регулирования;
- формирование и контроль общественных настроений населения края;

2) выявить мобилизационные аспекты данных процессов, формировавшиеся под непосредственным влиянием военной угрозы.

Научная новизна и актуальность исследования определяется, во-первых, комплексным подходом, предполагающим изучение мероприятий советского руководства в области социально-экономического развития Дальневосточного региона в тесной взаимосвязи с внешнеполитической ситуацией на Дальнем Востоке в первой половине 1930-х гг. (маньчжурским кризисом). Во-вторых, в статье ис-

пользованы неопубликованные документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Помимо неопубликованных материалов, исследование базируется на обращении к таким группам источников, как тематические сборники документов; источники личного происхождения.

1. Дальневосточное сельское хозяйство в ходе коллективизации и репрессивные кампании.

Говоря о развитии Дальнего Востока в 1931-1934 гг. председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов в своём январском выступлении перед депутатами VII съезда Советов (1935 г.), помимо достижений промышленности и транспорта, упомянул о третьей составляющей экономики региона – сельском хозяйстве [8, с. 29]. Упоминание, однако, было достаточно лаконичным и глава правительства заметил лишь, что «резко развёртывается сеть машинно-тракторных станций и усиленно укрепляется вся его машинно-техническая база», из чего делал вывод о большом значении придаваемом советским руководством «хозяйственному подъёму Дальнего Востока» [Там же].

При этом местное руководство ещё в конце 1931 – начале 1932 гг. сигнализировало главе правительства об имеющихся трудностях. Председатель Дальневосточного краевого исполкома А. Буценко писал, что «...Контрольные цифры народного хозяйства и культуры ДВК на 1932 год в таком виде, в каком они сейчас составлены, не дают решительных сдвигов в сторону реализации неоднократных постановлений Правительства о ДВК». В связи с этим «...Далькрайком просит Вас о пересмотре контрольных цифр по ДВК на 1932 год под углом более внимательного рассмотрения основных требований ДВК...» [20, л. 3].

Тем не менее, о внимании к региону советского руководства (хотя и направленном зачастую лишь на отдельные ключевые сферы) свидетельствует в частности то, что ещё до начала маньчжурского кризиса, в июле-начале сентября 1931 г. наркомвоенмор К.Е. Ворошилов находился в длительной командировке на Дальнем Востоке. Британский исследователь Дж. Хаслэм в своей работе цитирует официальные газетные сообщения, сообщавшие о высокопоставленном проверяющем, использовавшем каждый день для личного знакомства с состоянием войск, их жилищными условиями (подчёркнуто мной. А.Ф.) и степенью боеготовности [5, р. 73]. Особое внимание нарком К.Е. Ворошилов уделил красноармейским колхозам Дальнего Востока.

Это, очевидно, было связано с тем, что первый и второй пятилетние планы предусматривали для Дальнего Востока, помимо всего прочего, развитие сельского хозяйства на основе коллективизации и хозяйственное освоение новых территорий. Однако существовали и немалые проблемы, в частности, с финансированием и снабжением. Так, например, если в ноябре 1931 г. Наркомат земледелия СССР, видимо, без особых проблем выделил красноармейским колхозам 23 589 тыс. рублей, из них без-

возвратных ссуд 8 501 тыс. руб. [3, с. 107], то судя по телеграмме в СНК и Представительство Далькрайисполкома в Москве от председателя ДКИК А. Буценко от января 1932 г. для нормальной работы Дальсельстроя в текущем году красноармейское строительство нуждалось в выделении ещё 13 млн руб. оборотных средств и принятии на промышленное снабжение 23 612 чел. [21, л. 34].

Кроме того, необходимо было не менее 320 высококвалифицированных специалистов (инженеров, бухгалтеров) и 5 000 рабочих, для которых требовалось выделить 5.000 пайков по списку № 1 [Там же, л. 33]. Однако заместитель наркома снабжения СССР Волков в феврале 1932 г. сообщил в СТО Куйбышеву, что «Наркомснаб не имея возможности произвести дополнительное выделение фондов по сп[иску] № 1, ввиду отсутствия резервов продовольствия, это ходатайство отклонил» [Там же, л. 41].

Вышеописанные проблемы наверняка были известны и наркомвоенмору. В феврале 1932 г., после своей поездки на Дальний Восток, К.Е. Ворошилов обратился с обстоятельным письмом в Политбюро ЦК ВКП (б). В нём он проанализировал ситуацию с колхозами (особенно красноармейскими) Дальнего Востока. Учитывая значение Дальнего Востока, нарком указывал, что формирование военных колхозов на территории ОКДВА является важнейшим оборонным мероприятием и этой связи он предлагал организовать в пограничной полосе на территории Дальнего Востока Особый Колхозный корпус. Основное назначение корпуса, по мнению наркома, виделось в создании ряда опорных военных пунктов, которые могли сыграть роль «барьеров» против агрессивных мер со стороны соседних стран, а также в содействии организации на территории Дальнего Востока системы колхозов, а в итоге – экономическому росту и заселению региона [16, с. 239].

Уже 14 марта 1932 г. К.Е. Ворошиловым был представлен проект постановления Политбюро, в препроводительной записке к которому указывалось, что «основные принципиальные вопросы формирования, организации и хозяйственного строительства корпуса приняты комиссией единогласно» и только по вопросам материального обеспечения были внесены поправки к проекту со стороны Наркомзема в лице т. Яковлева [Там же, с. 240].

В связи с созданием Корпуса Политбюро разрешило Наркомвоенмору в период март-апрель 1932 г. произвести досрочный призыв граждан 1910 г. рождения в количестве 20-25 тыс. чел. и перевести их в районы переселения не позже 1 мая с тем, чтобы иметь возможность провести все работы по строительству, а также обеспечить весенний сев этого года [10, с. 182]. Приказом НКВМ от 28 марта 1932 г. № 0018 объявлялось о призыве 350 специалистов по сельскому хозяйству для формирования Особого Колхозного корпуса [16, с. 240]. Численность корпуса до 60.000 чел. считалась дополнительной к штатному составу РККА 1932 г., на 1933 г. она уже включалась в штатную численность РККА [10, с. 182].

В составе корпуса полагалось формирование трёх стрелковых и одной кавалерийской дивизии, осуществлявшееся в два этапа: 1) 1932 г. – управление корпуса и трёх дивизий (без арtpолков), 2) весна 1933 г. – формирование корпусных частей и дивизионных арtpолков и развёртывание четвёртой (кавалерийской) дивизии. Срок окончания формирования корпуса был определён к 1 июня 1933 г. [16, с. 240].

В общей сложности, в 1932 г. в Дальневосточном крае действовало 42 красноармейских колхоза [7, с. 202], хотя Н.А. Билим указывает на то, что такое количество существовало уже к началу 1931 г. [4, с. 51], а Н.Х. Чаусов – к концу того же года [3, с. 107]. Так или иначе, к апрелю 1932 г. эти колхозы объединяли 28 251 хозяйство, в том числе 6 106 хозяйств демобилизованных воинов [3, с. 107; 7, с. 202].

Как подчёркивают Е.А. Лыкова и Л.И. Проскурина, за три с половиной года (т.е. с 1932 по 1936 гг.) ОКК проделал большую работу по подъёму сельского хозяйства края, но при этом, с их точки зрения, создание Особого Колхозного корпуса ОКДВА явилось вынужденной мерой и свидетельствовало о неэффективности политики в аграрном секторе экономики края. Исследователи связывают это с тем, что первоначально вновь созданные колхозы строили свои отношения с государством на основе контрактации, однако в 1933 г. она была заменена системой обязательной сдачи продуктов государству по твёрдым ценам [11, с. 144-145].

Существовали также и другие проблемные аспекты развития сельского хозяйства Дальневосточного края. Это вопросы касающиеся, например, репрессивной политики на Дальнем Востоке, деятельности карательных органов, т.е. «оборотной стороны» коллективизации. В секретном Постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О разгрузке тюрем» от 10 мая 1933 г. давалось разрешение на депортацию из ряда регионов 12 тыс. крестьянских хозяйств, в связи с чем ОГПУ, Народному комиссариату юстиции и прокуратуре предлагалось направить осуждённых на срок свыше 5 лет в лагеря ОГПУ, а на срок от 3 до 5 лет – в трудовые поселки вместе с находившимися на иждивении лицами, т.е. с членами семей [15, с. 45]. В ходе выполнения этой директивы на Дальнем Востоке с марта по сентябрь 1933 г. дома заключения «разгрузились» от 1 148 чел. (из них около 1 тыс. были переведены в трудовые поселки, остальные – в исправительно-трудовые лагеря) [Там же].

Как полагает А.А. Исаев, принудительные выселения из региона так называемого неблагонадежного элемента были проявлением начавшихся политических репрессий и служили формой принудительных миграций, которые в 1930-е гг. стало широко практиковать советское государство [17, с. 41-42]. Е.А. Лыкова и Л.И. Проскурина по этому поводу замечают, что внешнеполитические обстоятельства (усиление напряжённости на дальневосточных границах, ожидание агрессии), по всей видимости, заставили сталинское руководство в определённой степени поступиться интересами колонизационной политики на Дальнем Востоке [11, с. 139-140].

2. Миграции и переселенческая политика в Дальневосточном крае.

Тем не менее, отнюдь не следует связывать начало активного переселения на Дальний Восток исключительно с маньчжурским кризисом. Ещё за некоторое время до этого советской властью предпринимались меры по стимулированию миграции в регион. По мнению Ю.В. Пикалова, стратегические интересы государства на Дальнем Востоке (в связи с ухудшением отношений с Китаем и Японией) требовали коренного изменения переселенческой политики. Для этого в 1926 г. контроль за переселением на Дальний Восток передается в руки Управления ОГПУ по Дальневосточному краю, где формируется переселенческий отдел [2, с. 61].

При этом, необходимо учитывать, что высокие темпы роста промышленного производства в начале 1930-х гг. создали острый дефицит трудовых ресурсов во всех отраслях народного хозяйства края. Достаточно сказать, что только на одном Северном Сахалине на начало 1931 г. плановая потребность в рабочей силе составляла 19,5 тыс. чел., а уже в 1932 г. баланс труда на всём Дальнем Востоке из-за невыполнения плана переселения и задания по росту производительности труда имел дефицит в 75 тыс. чел. [6, с. 73]. Подобный дисбаланс отчасти объясняется содержанием недатированной справки (судя по тексту, составленной после 21 января 1932 г.), предназначенной, видимо, руководству СНК и СТО, согласно которой к началу года Политбюро утвердило только красноармейское строительство и переселение в ДВК и то лишь в размере 19 тыс. семей [21, л. 31].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование рабочей силы для промышленности в конце 1920 – начале 1930-х годов первоначально осуществлялось за счет населения сельских районов Дальнего Востока, а также переселяющихся сюда из других районов страны, прежде всего из сельской местности. Однако, несомненно, что вскоре после обострения ситуации на дальневосточных рубежах, руководство СССР было вынуждено обратить особое внимание на привлечение и т.н. промышленных переселенцев.

Вполне вероятно, что на этот поворот в миграционной политике повлияли мнения, высказываемые отдельными представителями местных органов власти. Так, например, в конце 1931 – начале 1932 гг. уже упоминавшийся выше председатель Далькрайисполкома А. Буценко в своём сообщении поставил перед В.М. Молотовым вопрос об урегулировании вопросов переселения в Дальневосточный регион. Буценко был обеспокоен тем, что «если сейчас достигнута ясность в отношении переселения демобилизованных красноармейцев, то в отношении промышленного и промыслового переселения до настоящего времени этой ясности нет: до сего времени не определён контингент переселенцев, источники финансирования, порядок вербовки и, несмотря на то, что сроки уже проходят – подготовительные мероприятия к организации и обслуживанию про-

мышленных и промысловых переселенцев ещё не разработаны» [20, л. 1].

С точки зрения А.А. Исаева и Е.С. Вологдиной, промышленное переселение стала преобладающим именно с начала 1930-х гг., поскольку главным направлением освоения края стала его индустриализация с приоритетом сырьевой специализации. Наиболее массовое движение населения происходило из европейской части РСФСР – Рязанской, Орловской, Курской областей; из Западной Сибири; Татарской АССР; Украины, Белоруссии, Грузии и т.д. [14, с. 200; 17, с. 40-41].

Указание А.А. Исаева на наиболее активные в плане переселения на Дальний Восток территории СССР в целом подтверждается как другими исследователями, так и архивными материалами. Например, Н.А. Билим подчёркивает, что в ноябре 1931 г. первый эшелон с отпускниками очередного года мобилизации, прибывший на Дальний Восток, был сформирован из бойцов Украинского военного округа [4, с. 52]. Кроме того, согласно докладу, датированному 15-м мая 1935 г., сохранившемуся в РГАСПИ в фонде В.М. Молотова и, видимо, ему же и предназначавшемуся, о выполнении постановления СНК СССР от 22 августа 1934 г. за № 1978-350/с о переселении в ДВК 1000 (на деле было переселено 1165) красноармейских хозяйств, основная масса переселенцев направлялась из Воронежской, Курской, Харьковской, Киевской, Винницкой и Свердловской областей [22, л. 3].

Ю.В. Пикалов замечает, что формирование стратегических интересов государства на Дальнем Востоке в тот период особенно сказалось на развитии его городов, причём генезис дальневосточных городов в корне отличался от генезиса городов европейских. Стержневым элементом таких городов являлись градообразующие предприятия, как правило, работающие на военно-промышленный комплекс. Интенсивное развитие дальневосточных городов привело к формированию их специфического социокультурного облика [2, с. 62]. На этот облик в определённой мере влияло, в том числе и то, что подавляющую часть переселенцев составляли крестьяне, хотя помимо них прибывали и рыбаки, шахтеры, геологи, рабочие, ученые, учителя, врачи [17, с. 41].

Как уже отмечалось, советское государство помимо добровольной, также активно использовало принудительную миграцию. Интересно, что в некоторых случаях потребность в рабочей силе для строительства отдельных объектов полностью покрывалась контингентами ИТЛ и колоний.

Так, например, согласно записке в Наркомат труда СССР от 4 мая 1933 г., завизированной начальником Цудортранса при СНК СССР Чёрным и главой управления капитального строительства Кондратьевым, для работ по созданию Примонгольских и Усинских трактов в Западной Сибири было вполне достаточно заключённых Сиблага, а в Восточной Сибири частей тылоополченцев, и потому, завоза вольнонаёмной рабочей силы для этих строек в

1933 г. не требовалось вовсе [23, л. 7]. При этом, следует учитывать, что всё возрастающее год от года количество заключённых создавало напряжение с точки зрения безопасности, как внутренней, так и внешней, и требовало дополнительных усилий и расходов государства [17, с. 42].

Помимо заключённых, другой значительной по численности группой среди принудительных мигрантов являлись спецпереселенцы. Их привлечение к труду также обеспечивалось масштабным взаимодействием ответственных за индустриализацию и оборонное строительство ведомств, с одной стороны, и органов госбезопасности, с другой. Докладом этому служит постановление Политбюро от 25 ноября 1932 г., согласно которому ОГПУ следовало обязать «обеспечить переброской к июлю 1933 г. на площадку строительства Дальпромстроя 5 000 спецпереселенцев рабочих (без учёта семей)». В связи с этим нарком тяжёлой промышленности Г.К. Орджоникидзе предлагалось договориться с Г.Г. Ягодой «по вопросу о передаче НКТяжпрому инженеров» [18, с. 99].

Е.С. Вологодина указывает, что, в общем, контингент спецпереселенцев в ДВК составил в 1932 г. – 40 440 человек, в 1933 г. – 40 563 человек, в 1934 г. – 46 459 человек. Труд спецпереселенцев в основном использовался в золотодобывающей и лесной отраслях, но, по мнению исследователя, при этом в деле развития сельскохозяйственного потенциала региона их роль была незначительной [13, с. 73].

Помимо вышеописанной, иной своеобразной формой принудительной миграции можно считать переброску в Дальневосточный регион специализированных строительных частей и подразделений, особенно из числа высококвалифицированных специалистов. Так, например, в октябре 1933 г. К.Е. Ворошилову предлагалось «удовлетворить потребность Дальне-Восточного строительства за счёт инженеров-строителей, призываемых в Красную Армию» [18, с. 111].

О количестве людей, задействованных на грандиозных стройках Дальнего Востока, а значит и о масштабах переселения в целом, некоторое представление даёт постановление Политбюро от 3 августа 1934 г.: «а) <...> установить численность красноармейцев, работающих в строительных батальонах РККА по ДВК свыше 10 часов в сутки, в количестве – 45 500 человек. б) Наркомснабу СССР <...> немедленно выделить продфонды дополнительно на 31 559 человек» [Там же, с. 132]. Опираясь на вышесказанное, вполне логично, что в связи с резким увеличением числа военнотрудовых остро встал вопрос об их продовольственном обеспечении [2, с. 63], т.е. о реализации одного из важнейших направлений социальной политики.

3. Социальная политика и общественные настроения на Дальнем Востоке.

Важнейшим социальным последствием возрастания стратегической роли Дальнего Востока во

внешней политике СССР было усиленное военное строительство. Основные ассигнования шли на оборонные нужды. Экономика Дальнего Востока стала приобретать милитаризованный характер [2, с. 63].

Выполнение столь масштабных задач по военному строительству неизбежно требовало впечатляющих усилий и жертв: «<...> Работа проводилась в условиях полевой обстановки. Люди работали в дождь и мороз, не всегда имея возможность высушиться и обогреться. Жить приходилось в дырявых бараках, со стенами в одну доску. С питанием дело обстояло из рук вон плохо, особенно с мясом и овощами...» [24, л. 3]. Е.А. Лыкова и Л.И. Проскурина подчёркивают, что на Дальнем Востоке действительно ощущался большой недостаток, в частности, продуктов животноводства. Так, например, Уссурийская область до начала второй пятилетки имела хлебные излишки, а в 1933 г. с ростом промышленной деятельности, главным образом, армии стала испытывать хлебный дефицит, который покрывался в основном за счёт ввоза продуктов на Дальний Восток из других районов страны [11, с. 142].

На серьёзность проблемы со снабжением, в частности, вышеупомянутой Уссурийской области, косвенно указывает и тот факт, что согласно уже цитированному выше докладу от 15 мая 1935 г. о выполнении постановления СНК СССР (от 22 августа 1934 г. за № 1978-350/с) о переселении в ДВК 1000 красноармейских хозяйств, все прибывшие колхозники (а это 4 767 чел., из которых 3 499 взрослые и 1 268 детей) были расселены как раз-таки в Амурской и Уссурийской (подчёркнуто мной. А.Ф.) областях ДВК [22, л. 4]. Очевидно, что постоянное увеличение населения отнюдь не способствовало решению продовольственной проблемы.

В связи с этим стоит отметить, что на социальную политику действительно оказывало значительное влияние то обстоятельство, что Дальний Восток – наиболее удалённый от густонаселённых районов страны край. Естественно, связанные с этим социально-бытовые неудобства могли принять только люди волевые, закалённые физически и морально, прежде всего, молодёжь (возраст переселенцев в среднем составлял 24–40 лет). Именно на неё сделало основную ставку советское руководство в деле развития промышленности, хозяйства и обороны, поскольку воспитанное в основной своей массе в революционном духе и порыве молодое поколение не пугало «временные» бытовые неудобства [17, с. 40–41].

Среди таких «неудобств» Н.А. Билим отмечает, например, что в Никольск-Уссурийске и в Благовещенске переселенцам запретили посещать местные клубы. Нередки были случаи, когда новосёлы по нескольку дней сидели на вокзалах в Благовещенске и Хабаровске, ожидая транспорта и представителей переселенческих органов. Тревожное положение сложилось в колхозах со строительством домов для приезжающих. В целом красноармейские колхозы план строительства жилья на 15 октября 1931 г. выполнили только на 60% [4, с. 52].

С мнением исследователя о том, что подобные факты грозили оставлением десятков семей новосёл без жилья, и вполне вероятным возвращением их обратно, согласен и А.А. Исаев. Из этого он делает вывод о том, что на новом месте молодые переселенцы, как и демобилизованные воины, часто сталкивались не только с материально-бытовыми трудностями, но и с полным безразличием к ним со стороны некоторых представителей местных органов власти. Это не могло не осложнять взаимоотношения между переселенцами и старожилами в целом [17, с. 41].

Особенно заинтересованные представители местного руководства ДВК пытались исправить создавшееся положение, при этом борясь именно с причинами отрицательных явлений. Для этого, в частности, заместитель заведующего Дальневосточным районным отделом труда Зварковский и начальник 1-го сектора Ашихмин в январе 1933 г. обратились в спецуправление Наркомата труда РСФСР с предложениями: «не допускать вербовки рабочих в центре для направления в ДВК на срок менее 12 месяцев... решительно ударять по таким явлениям, когда вербовщики сулят рабочим несбыточные блага... особенное внимание... уделить организации в эшелонах денежного и натурального довольствия и медпомощи, а также организации... продовольственных баз» [23, л. 1].

С другой стороны, вполне понятно, что в качестве способов стимулирования переселенцам всё-таки предоставлялись разнообразные льготы и даже освобождения от сдачи обязательных норм, когда речь шла о поставках государству продукции сельского хозяйства и животноводства. Но в то же время, вполне определённо обозначились различия в сроках действия льгот между колхозным крестьянством (10 лет) и единоличными хозяйствами (5 лет) [9, с. 170].

Имело место также повышение зарплаты различным категориям населения, однако и здесь приоритеты были расставлены достаточно чётко: если, например, рабочим и инженерно-техническому персоналу предприятий угольной промышленности оклады увеличивались на 30%, то даже красноармейцам и младшему начальствующему составу РККА сразу на 50% [Там же].

Помимо вышеописанной социальной и профессиональной дифференциации, стоит отметить, что введение льгот и повышение зарплат характерно лишь для позднего этапа маньчжурского кризиса (1934-1935 гг.), когда, судя по всему, критичность ситуации с трудовыми ресурсами стала окончательно очевидна для советского руководства.

Что же касается более ранних этапов маньчжурского кризиса, то социально-экономическую ситуацию на Дальнем Востоке в 1932 г. хорошо иллюстрируют сообщения В.К. Путны (командующего Приморской группой войск ОКДВА в 1932-1934 гг.). Его письма от февраля-марта 1932 г., направленные наркому К.Е. Ворошилову оптимизма относительно ситуации на советском Дальнем Востоке не внушали, хотя бы потому, что «край эксплуатируется, даёт прибыли, а работающее в нём население обречено

на вопиющее нищенское и антикультурное бытовое существование. Коммунальное хозяйство городов и в особенности Владивостока доведено до предела упадка. Нет воды, нет света, нет городского транспорта, жалки размеры советской торговли, отвратительно не налажено питание» [25, л. 147].

Однако В.К. Путна не стал особенно останавливаться на, мягко говоря, удручающем положении гражданского населения, попутно перешёл к более насущным для военных проблемам. А их, судя по корреспонденциям, полученным главой военного ведомства, было отнюдь не меньше, чем у гражданского населения: «антикультурные, захолустные условия соединённые с материальными трудностями, кои испытывает начсостав переброшенных сюда частей, привели к некоторой подавленности настроения начсостава <...> сводки, избыточные сообщениями об нехороших, не бодрых разговорах в среде начсостава, а ещё резче в среде рядового состава» [Там же, л. 148].

В то же время командующий не только критиковал, но и пытался выдвигать какие-то предложения по улучшению ситуации: «нужно народ накормить и одеть <...> Для того, чтобы не только численно укрепить наши военные силы, здесь необходимо радикально улучшить обеспечение <...> товарами, как равно, улучшить питание начсостава» [Там же].

Таким образом, учитывая приведённые В.К. Путной факты, не вызывают особого удивления сводки о политических настроениях, царивших в воинских частях, расквартированных в ДВК. Об этом весьма подробно докладывал заместитель начальника Особого отдела ОГПУ Н.И. Добродицкий в своём спецсообщении (от 4 мая 1933 г.) «Об отрицательных явлениях в состоянии ОКДВА», направленном затем Г.Г. Ягодой И.В. Сталину. В справке приводились примеры настроений рядовых красноармейцев, партийно-комсомольского актива и начсостава и в процентном соотношении среди этих категорий по негативному отношению к политике правящей партии выделялся рядовой состав (соответственно 59%, 25%, 16%), пришедший в армию из деревни и заявлявший о нежелании не только служить, но и защищать СССР в случае войны [18, с. 111].

С точки зрения В.Н. Хаустова, причиной подобных явлений были последствия насильственной коллективизации и форсированных темпов индустриализации, проявлявшиеся в ухудшении материального положения рабочих и крестьян. Это не могло не повлиять на факты негативных политнастроений военнослужащих, количество которых за период с декабря 1932 по март 1933 гг. увеличилось на 35% (с 2 338 до 3 120 случаев) [12, с. 427].

Помимо этого, в спецсообщении рапортовалось о ликвидации «17 к-р [контрреволюционных], шпионских и вредительских группировок», которые, само собой разумеется, «занимались вредительством с целью подрыва и разрушения материально-технических ресурсов армии» [19, с. 433].

Однако радужная картина успешной борьбы с бесчисленными шпионами и вредителями сильно

тускнела после упоминаний о том, что, во-первых: «хозяйственное обслуживание, особенно в части питания, в отдельных частях неудовлетворительное, вследствие наблюдавшихся недостатков продуктов и хищений их»; во-вторых: «из-за скученности и антисанитарного состояния казарменных помещений среди кр-цев[красноармейцев] наблюдается массовая вшивость, доходящая в отдельных случаях от 10 до 25% наличного состава части <...> фиксируются случаи распространения сыпного тифа среди военнослужащих»; в-третьих: «имеются факты небрежно-преступного отношения врачебно-медицинского персонала к больным военнослужащим в лечебных заведениях» [Там же, с. 434-435].

Подводя итоги, следует сказать, что для всех без исключения составляющих социально-экономического развития Дальневосточного региона в период маньчжурского кризиса были характерны наличие тех или иных мобилизационных аспектов, которые формировались под непосредственным влиянием военной угрозы в первой половине 1930-х гг. Тем не менее, каждое направление имело свои особенности, одновременно демонстрируя на примере положения в крае те успехи и неудачи, которые в основном можно было наблюдать в связи с ситуацией в экономическом развитии СССР в целом и в военномобилизационном отношении в частности.

Что касается развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке, то очевидно, ему уделялось большое, в том числе личное, внимание (например, в формате поездок с целью инспекции) к имевшимся актуальным проблемам, которое демонстрировали представители партийно-политической, военной, хозяйственной советской элиты. В то же время, всё чаще проявлялась нереалистичность установленных показателей развития (в том числе, для аграрного сектора) из-за неверного учёта имеющихся возможностей региона, что приводило к завышению контрольных цифр.

Широкое распространение практики создания красноармейских колхозов с последующим их объединением в Особый колхозный корпус лишней раз напоминало о многочисленных сложностях и неудачах в аграрной политике, что следует связывать в первую очередь с неэффективностью действовавшей системы экономического взаимодействия государства и колхозов. Одновременно активное применение политических репрессий к населению, занятому сельскохозяйственным трудом, служило способом избавиться от «неблагонадёжного» элемента в условиях внешнеполитической опасности, чему способствовало помимо всего прочего, и использование механизма принудительной миграции в интересах власти.

Обращаясь к вопросам миграции и переселенческой политики в регионе, необходимо подчеркнуть такую их особенность, как несвоевременное (даже на высшем уровне принятия решений – Политбюро, СНК, СТО, Госплан, Наркомтруд) планирование не-

обходимого количества трудовых ресурсов, что часто неминуемо приводило к серьёзному дефициту как высококвалифицированных кадров, так и «обычной» рабсилы в регионе. С целью решения данной проблемы, приходилось прибегать к стимулированию постоянного притока приезжих в регион.

Но приезжие в крае не были однородной массой и представляли собой сразу несколько различных групп. Одна из них – добровольные сельскохозяйственные переселенцы, прибывавшие на Дальний Восток в основном из европейской части РСФСР, Западной Сибири; Татарской АССР, Украины, Белоруссии, Грузии. Подобный тип переселения имел место и до начала маньчжурского кризиса, а затем получил распространение иной вид – промышленное переселение. Оно получило своё развитие лишь с начала 1930-х гг., что позволяет в определённой мере связывать этот процесс с ускоренным созданием ВПК и интенсивным оборонительным строительством в ДВК после вторжения Японии в северо-восточный Китай. Говоря о составе «новичков», то основную массу добровольных сельскохозяйственных переселенцев составляли крестьяне и демобилизованные красноармейцы, а среди промышленных, напротив, преобладали рыбаки, шахтеры, рабочие и лица, преимущественно занятые интеллектуальным трудом (учителя, врачи).

Помимо добровольных мигрантов, безусловно, присутствовала и другая значительная группа – принудительные переселенцы. Они также как добровольные мигранты были неоднородны по своему составу и могут быть подразделены на три подгруппы: заключённые ИТЛ и колоний; спецпереселенцы; военнослужащие (кроме демобилизовавшихся). Стоит учитывать тот немаловажный факт, что наличие на Дальнем Востоке большого количества заключённых и спецпоселенцев иногда позволяло полностью обойтись без вольнонаёмных рабочих, но создавало проблему их охраны и слабо влияло на развитие некоторых отраслей народного хозяйства (например, аграрную).

По вполне понятным причинам, различия в миграционной и переселенческой политике создавали также и проблему неоднозначности социальной политики советского руководства в Дальневосточном крае. Стремясь сформулировать некоторые её ключевые направления, нельзя не обратить внимания на неизменный приоритет интересов военного ведомства, оборонных отраслей производства и строительства (например, большое количество военнослужащих – строителей), что зачастую приводило к острой нехватке финансовых средств для «мирных» сфер экономики края и серьёзным перебоям в снабжении основными продуктами питания (хлебом, мясом, овощами и т.д.).

При этом распространение системы льгот и поощрений, установление дифференцированного уровня оплаты труда для разных категорий населения в зависимости от степени значимости работы для интересов военного строительства и оборонно-промышленного комплекса Советского Союза должно

было несколько компенсировать складывавшуюся неблагоприятную социальную обстановку. И всё же недостаточное внимание советского руководства к состоянию жилищно-коммунального хозяйства, медицинского обслуживания, культурного и образовательного сектора приводило к распространению не только, например, эпидемических заболеваний, но и постоянно накапливалось в виде негативной реакции населения, выражавшейся в тех или иных общественных настроениях.

Среди наиболее явных тенденций в общественных настроениях населения ДВК можно выделить достаточно распространённое стремление представителей местных органов власти повлиять на не устраивавшие местных по тем или иным причинам решения вышестоящих ведомств. Причём авторы подобных обращений пытались не только скорректировать последствия неверных действий, но и устранить причины отрицательных явлений. При этом нужно помнить о том, что всё-таки в первую очередь, фундаментом для недопущения серьёзных социальных конфликтов служила опора советского руководства на относительно молодое (24-40 лет) население, особенно из числа переселенцев, в силу возраста и внедрённых идеологических установок, менее требовательных к качеству снабжения, условиям организации труда и повседневной жизни.

Однако успешное воздействие пропаганды и идеологической обработки не исключало таких

проблемных для советской элиты разных уровней явлений как «волынки» (невыходы на работу, особенно характерные для вольнонаёмных промысловых рабочих, например рыбаков) и «обратничество» (возвращение переселенцев в места прежнего проживания). Такие тенденции демонстрируют наиболее часто используемые модели поведения населения в ответ на недостатки снабжения, организации материально-бытового, жилищного обслуживания. Кроме того, несомненно, присутствовало нарастание противоречий между старожилами и «новичками» (переселенцами) из-за разницы в распределении льгот и послаблений с одной стороны и различными профессиональными группами (рабочими и военнослужащими) из-за различия в уровнях заработных плат с другой.

Чем больше было поводов для возникновения тех или иных социальных противоречий, тем более широкое распространение даже среди военнослужащих получали случаи негативного отношения к политике правящей партии, тем чаще спецслужбами фиксировались заявления о нежелании служить и защищать СССР в случае вооружённого конфликта. И всё же постоянный контроль органов госбезопасности за политическими настроениями особенно среди красноармейцев и командного состава, вплоть до применения политических репрессий к «неустойчивым» и «колеблющимся» элементам, позволял удерживать положение в приемлемых для власти рамках.

Литература и источники

1. Сон Ж.Г. Проблемы национальных меньшинств в Красной Армии 1930-х гг. (на примере корейцев в ОКДВА). // Российская история. 2009. № 2. С. 107–114.
2. Пикалов Ю.В. Стратегические интересы СССР на Дальнем Востоке и социально-экономическое развитие региона (1922–1941 гг.). // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 2 (63). С. 59–65.
3. Чаусов П.Х. Из истории участия Красной Армии в подготовке кадров для советской деревни и коллективизации на Дальнем Востоке (1927–1931 гг.). // Из истории борьбы за власть Советов и социалистическое строительство на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1965. С. 89–109.
4. Билим Н.А. Из истории участия демобилизованных в колхозном строительстве на Дальнем Востоке в годы предвоенных пятилеток // Учен. зап. Хабар. гор. пед. ин-та. Хабаровск, 1970. Т. 28. Ч. 1. С. 44–56.
5. Haslam J. Soviet foreign policy 1930–1933: The impact of the depression. London: Macmillan, 1983. 172 p.
6. Билим Н.А. Роль социальных перемещений в формировании колхозного крестьянства на советском Дальнем Востоке в 1926–1939 гг. // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: Межвузовский сборник научных трудов. Хабаровск: Хабаровск. гос. пед. ин-т, 1984. С. 66–80.
7. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: очерки истории / под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 416 с.
8. Молотов В.М. Статьи и речи 1935–1936 гг. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 272 с.
9. Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927–1937 гг.): Сб. документов и материалов / под ред. Ф.Ф. Таталина. Хабаровск: [б. и.], 1979. 238 с.
10. Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР // Acta Slavica Iaponica. 1996. Т. 14. С. 179–198.
11. Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX в.: коллективизация и ее последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 188 с.
12. Хаустов В.Н. Народный протест против сталинской внутренней политики (1934–1936 гг.) // Историческая наука и образование на рубеже веков: Сборник статей / сост. А.А. Данилов. М., 2004. С. 424–432.
13. Вологодина Е.С. Сельскохозяйственные переселения на российский Дальний Восток в 30-х годах XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 68–73.
14. Вологодина Е.С. Государственная политика по закреплению на Дальнем Востоке России семей промышленных переселенцев в 20–30-х годах XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 197–201.
15. Чернолуцкая Е.Н. Принудительное переселение дальневосточных крестьян в 1930–1933 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009. № 1 (143). С. 40–47.
16. Тархова Н.С. Красная Армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 г. М.: РОССПЭН, 2010. 375 с.
17. Исаев А.А. Миграционные процессы на Дальнем Востоке СССР в 1930-е – первой половине 1940-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 39–45.
18. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / сост. Г.М. Адибеков, Ж.Г. Адибекова, Х. Вада и др. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.

19. Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова М.: Материк, 2003. 912 с.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5446. Оп. 13. Д. 2419.
21. ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 13. Д. 2418.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 678.
23. ГА РФ. Ф. А390. Оп. 16. Д. 88.
24. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 552.
25. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 103.

References

1. Son Zh.G. *Problemy natsional'nykh men'shinstv v Krasnoi Armii 1930-kh gg. (na primere koreitsev v OKDVA)* [The problems of national minorities in the Red Army of the 1930s (on the example of Koreans in OKDVA)]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2009, no. 2, pp. 107–114.
2. Pikalov Yu.V. *Strategicheskie interesy SSSR na Dal'nem Vostoke i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye regiona (1922–1941 gg.)* [Strategic interests of the USSR in the Far East and socio-economic development of the region (1922–1941)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and governance in Eastern Russia], 2013, no. 2 (63), pp. 59–65.
3. Chaurov P.H. *Iz istorii uchastiya Krasnoi Armii v podgotovke kadrov dlya sovetskoi derevni i kollektivizatsii na Dal'nem Vostoke (1927–1931 gg.)* [From the history of the Red Army participation in training for the Soviet village and collectivization in the Far East (1927–1931)]. *Iz istorii bor'by za vlast' Sovetov i sotsialisticheskoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke* [From the history of the struggle for Soviet power and socialist construction in the Far East]. Khabarovsk, 1965, pp. 89–109.
4. Bilim N.A. *Iz istorii uchastiya demobilizovannykh v kolkhoznom stroitel'stve na Dal'nem Vostoke v gody predvoennykh pyatiletok* [From the history of participation of demobilized in collective farm construction in the Far East during the pre-war five years]. *Uchyon. zap. Habar. gor. ped. in-ta* [Proceedings of the Khabarovsk State Pedagogical Institute]. Khabarovsk, 1970, vol. 28, part 1, pp. 44–56.
5. Haslam J. *Soviet foreign policy 1930–1933: The impact of the depression*. London: Macmillan, 1983. 172 p.
6. Bilim N.A. *Rol' sotsial'nykh peremeschenii v formirovanii kolkhoznogo krest'yanstva na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1926–1939 gg.* [The role of social movements in the formation of the collective farm peasantry in the Soviet Far East in 1926–1939]. *Sel'skoe khozyaistvo i krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR v period stroitel'stva sotsializma i kommunizma: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Agriculture and peasantry of the Far East of the USSR during the construction of socialism and communism: interuniversity collection of scientific works]. Khabarovsk, Khabarovsk State Pedagogical Institute Publ., 1984, pp. 66–80.
7. *Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR XIX–XX vv.: ocherki istorii* [The peasantry of the Soviet Far East in the 19th–20th centuries: essays in the history]. A.I. Krushanov (ed.). Vladivostok, Dal'nevost. un-t Publ, 1991. 416 p.
8. Molotov V.M. *Stat'i i rechi 1935–1936 gg.* [Articles and speeches of 1935–1936]. Moscow: Partizdat CK VKP (b) Publ, 1937. 272 p.
9. *Iz istorii kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva Dal'nego Vostoka (1927–1937 gg.)*. Sb. dokumentov i materialov [From the history of collectivization of agriculture of the Far East (1927–1937). Collection of documents and materials]. Pod red. F.F. Tatalina [Comp. Tatalin F.F.]. Khabarovsk, 1979. 238 p.
10. Terayama K. *Man'chzhurskii intsident i SSSR* [Manchurian Incident and the USSR]. // *Acta Slavica Iaponica*. T. 14. [Complete Works. Vol. 14]. 1996. pp. 179–198.
11. Lykova E.A., Proskurina L.I. *Derevnya rossijskogo Dal'nego Vostoka v 20–30-e gg. XX v: kollektivizatsiya i eyo posledstviya* [The village of the Russian Far East in the 20–30s of the XX century: collectivization and its consequences]. Vladivostok: Dal'nauka Publ, 2004. 188 p.
12. Haustov V.N. *Narodnyj protest protiv stalinskoj vnutrennej politiki (1934–36 gg.)* [People's protest against Stalin's domestic policy (1934–36)]. *Istoricheskaya nauka i obrazovanie na rubezhe vekov: Sbornik statej* [Historical science and education at the turn of the century: Collection of articles]. Sost. A.A. Danilov [Comp. Danilov A.A.]. Moscow, 2004. pp. 424–432.
13. Vologdina E.S. *Sel'skokozyajstvennye pereseleniya na rossijskij Dal'nij Vostok v 30-h godakh XX veka*. [Agricultural resettlement in the Russian Far East in the 30 years of XX century] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2009, no. 10 (191). *Istoriya* [History]. Vyp [Vol.]. 39. pp. 68–73.
14. Vologdina E.S. *Gosudarstvennaya politika po zakrepleniyu na Dal'nem Vostoke Rossii semej promyshlennyykh pereselencev v 20–30-h godakh XX veka* [State policy to consolidate the far East of Russia families of industrial immigrants in the 20–30-years of XX century]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. EHkonomika. Informatika* [Scientific statement Belgorod State University. Series History. Political science. Economy. Informatics]. 2010, no. 19 (90). Vypusk [Vol.]. 16. pp. 197–201.
15. Chernoluckaya E.N. *Prinuditel'noe pereselenie dal'nevostochnykh krest'yan v 1930–1933 gg.* [Forced resettlement of Far Eastern peasants in 1930–1933]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences]. 2009, no 1 (143). pp. 40–47.
16. Tarkhova N.S. *Krasnaya Armiya i stalinskaya kollektivizatsiya. 1928–1933 gg* [The Red Army and Stalin's collectivization. 1928–1933 years]. Moscow, ROSSPEN Publ, 2010. 375 p.
17. Isaev A.A. *Migratsionnye processy na Dal'nem Vostoke SSSR v 1930–e – pervoj polovine 1940-h godov* [Migration processes in the far East of the USSR in the 1930s – the first half of the 1940s]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities research in Eastern Siberia and the Far East]. 2013, no 1. pp. 39–45.
18. VKP(b), Komintern i Yaponiya. 1917–1941 gg [VKP (b), the Comintern and Japan. 1917–1941 years]. Sost. Adibekov G.M., Adibekova Zh.G., Vada Kh. i dr. [Comp. Adibekov G.M., Adibekova J.G., Wade H. et al.]. Moscow, ROSSPEN Publ, 2001. 808 p.
19. Lubyanka: Stalin i VCHK – GPU – OGPU – NKVD, yanvar' 1922 – dekabr' 1936 [Lubyanka: Stalin and VCHK – GPU – OGPU – NKVD, January 1922 – December 1936]. Sost.: Haustov V.N., Naumov V.P., Plotnikova N.S. [Comp. Haustov V.N., Naumov V.P., Plotnikova N.S.]. M.: Matrik Publ, 2003. 912 p.
20. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation]. F. R5446. Op. 13. D. 2419.
21. GA RF. F. R5446. Op. 13. D. 2418.
22. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 82. Op. 2. D. 678.
23. GA RF. F. A390. Op. 16. D. 88.
24. RGASPI. F. 85. Op. 29. D. 552.
25. RGASPI. F. 74. Op. 2. D. 103.